

**ДМИТРИЙ
КОРОВНИКОВ**

17

**КУРСАНТ
ЦИМТЕРИИ**

Дмитрий Коровников

Курсант Империи - 17

<https://litres.ru/74218158>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ты молод, богат и беззаботен? Думаешь, мир у твоих ног? Что ж, пришло время расплаты, парень! Родина-мать призывает тебя под ружье. Забудь о девочках, тусовках и папином наследстве. Теперь твой дом казарма, а семья братья по оружию. Империя не спрашивает, она приказывает. И ей плевать, мечтал ли ты стать ее защитником или нет. Так что заткнись, бери штурмовую винтовку, натягивай броню и готовься к бесславной гибели на очередной забытой Богом планете, в окружении таких же недоносков, как ты.

P.S. И помни: твоя жизнь теперь принадлежит Российской Империи. И сдохнуть за нее не самый худший из имеющихся вариантов. Такие дела, курсант Васильков...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дмитрий Коровников

Курсант Империи - 17

Глава 1

Барчук говорил.

Он стоял наверху, на лестничном пролёте, как на персональной трибуне, и речь его текла — ровная, гладкая, отполированная до зеркального блеска. Про его мир. Про порядок, который он здесь выстроил. Про нас — грязных, неблагодарных тварей, вторгшихся в чужое налаженное хозяйство и вздумавших его разрушить. Слова были круглые, обкатанные, каждое ложилось к следующему без зазора: такие речи не сочиняют на ходу — их лелеют, репетируют перед зеркалом и ждут повода произнести целиком, с выражением, перед полным залом.

Зал у него сегодня действительно был полный. Слушатели, правда, делились на тех, кому было уже всё равно, и тех, кому вот-вот станет, но хорошего оратора такие мелочи не смущают. Прекрасно. Пусть произносит. Желательно — в полной авторской редакции, с примечаниями и списком благодарностей.

Потому что на этот монолог у меня появились свои виды. Я сместился на полшага назад и вбок, к врачу, не отры-

вая взгляда от балкона. Со стороны это выглядело, надеюсь, как нервное перемиривание человека, которому очень страшно. Изображать испуг было несложно: играть вообще легко, когда не приходится играть.

— Вы по-прежнему с нами, док? — спросил я одними губами. — Тогда делайте всё возможное, чтобы перепрограммировать этих ребят.

И повёл подбородком на чёрное кольцо вокруг нас.

Врач не вздрогнул и головы не повернул. Только глаза его коротко скосились на меня — и вернулись к балкону. Прогресс был налицо.

— Мне нужно время, — прошелестел он.

— Пара минут у вас точно будет.

— Пара минут — это очень...

— Это всё, что есть. Берите, пока дают.

Пальцы врача легли на планшет и побежали по стеклу. Экран подсветил его лицо снизу нехорошим светом, но пальцы двигались уверенно, без дрожи. Специалист приступил к работе. Для публики — испуганная возня пленного медика в служебных записях. В каком-то смысле так оно и было: испуг натуральный, записи служебные.

Оставалось обеспечить специалисту рабочую тишину. В смысле — рабочий шум. Заболтать человека, у которого в браслете на руке заключено несколько сотен чужих жизней, включая наши, и который в своей речи как раз подбирался к той части, где обычно отдают команды.

Я медленно, напоказ, поднял винтовку стволом в потолок. Отвёл её в сторону на вытянутой руке — полюбуйтесь, граждане, оружие отдельно, я отдельно, и перекинул на ремне за спину. Потом поднял пустые ладони и сделал шаг вперёд, из общей кучи.

— Прошу прощения! — Голос мой раскатился по залу не хуже кнутовского. — Можно вопрос?

Тишина вышла звонкая, как после пощёчины. Так замолкает класс, когда двоечник с последней парты вдруг тянет руку на открытом уроке.

Сзади кто-то тихо, с чувством застонал. Судя по гнусавости — Толик. Кнутов не произнёс ни слова, и его молчание я истолковал как санкцию: других вариантов, кроме моего языка, у отряда всё равно не оставалось.

Барчук осёкся на середине особенно круглой фразы. Маленькие аккуратные глазки уставились на меня сверху — сперва с недоумением, будто посреди спектакля заговорила мебель. Потом с узнаванием.

Вот узнавание мне не понравилось совсем.

Щёки начальника колонии пошли пятнами. Пальцы, покойно сложенные на животе, расцепились и легли на перила. Уж кто-кто, а Мафусаил Семёнович отлично помнил, кто именно нынче первым слез с крюка, устроил бунт в операционной и вынудил хозяина всего этого великолепия покинуть помещение бегом, в подмоченных штанах. Об этом сейчас говорило всё его лицо — говорило громче любой рации.

— Ты-ы, — протянул он наконец. Ласково протянул, нараспев. У некоторых людей ласковость — как флюс: чем её больше, тем хуже дело.

— Я, — согласился я. — Тот самый. Раз уж у нас образовалась пауза — можно короткую справку? — Я указал раскрытой ладонью на ближайшего чёрного. — Вот эти замечательные ребята. Кто они? Стоим, можно сказать, знакомимся, а нас даже не представили друг другу.

Разглядывать их вблизи можно было сколько угодно — те не возражали. Глаза, как всегда, опущенные в пол, ни один не поднял взгляда ни на меня, ни на своего хозяина. Свалявшиеся патлы до подбородка и шеи. Робы, не выдавшие стирки, кажется, с прошлой геологической эпохи. И мышцы — вот что не отпускало взгляд: мускулатура выпирала из-под чёрной ткани так, словно под робу каждому натолкали поролона. Те, кого мы встретили раньше, выглядели точно так же, и вблизи от этой одинаковости делалось зябко даже мне, повидавшему Новгород-4, где на слабую мускулатуру точно не жалуются.

Врач за моей спиной работал. Я не оборачивался — слышал, вернее, чувствовал затылком лёгкое постукивание по стеклу. Каждый стук — секунда. Каждая секунда — наша надежда.

Барчук смотрел на меня долгих секунды три. По его лицу было видно, как внутри борются два человека: один требовал немедленно скомандовать своим «изделиям», второй хо-

тел поговорить. Говорить Мафусаил Семёнович любил, подозреваю, больше всего на свете, а тут ещё и слушатель — наглый, с поднятыми руками, ехидной улыбочкой и без единого шанса уйти от продолжения беседы.

Победил, разумеется, второй.

— А я ведь, голубчик, как раз собирался отдать приказ, — сообщил он почти доверительно. — Одно движение пальчика — и детки разобрали бы вас... на составляющие. Но ты меня перебил. И знаешь, я тебе даже благодарен. Убивать вас сейчас было бы... расточительно-с. Нет. Детки вас не убьют. Детки вас обезвредят — аккуратненько, бережно, они это умеют быстро. А вот потом... — он прикрыл глазки и подержал паузу, как ложку варенья во рту, — мы займёмся вами всерьёз. Долго. Обстоятельно. Я каждому из вас, голубчики мои, уже составил персональную программу-с.

Врач вскинул на меня взгляд поверх планшета — короткий, горячий: вот-вот, ещё немного. Понял, док. Тянем дальше.

— Программу? — переспросил я с искренним, почти детским интересом. — Персональную? Так. Вот с этого места, будьте добры, поподробнее. Обожаю индивидуальный подход. Что именно у вас припасено? Для каждого?

Сзади Толик издал звук человека, которому наступили на сломанный нос. В переводе со жгутиковского это означало: «Санёк, ты спятил». Не исключено. Но безумие, которое покупает время, в военном деле называется тактикой.

Барчук склонил голову набок и посмотрел на меня внимательно, по-птичьи. Он всё понимал, этот маленький страшный человек: и что наглец паясничает, и что наглец зачем-то тянет время — непонятно только, зачем именно. Я видел это понимание так же ясно, как пятна на его щеках. Но беда таких ценителей в том, что искушение у них всегда сильнее подозрения. Ему годами некому было рассказать о сокровенном — и вдруг слушатель нашёлся сам, добровольно, да ещё и попросил подробностей.

— Изволь-с, — сказал он и потёр влажные ладошки.

Пальчик ткнул в Кроху.

— Начнём с большого. Такого ломать интересно: материала много-с. Будем выяснять, сколько именно. По суставчику, по косточке, с перерывами, с отдыхом — куда нам спешить? Большие плачут громче маленьких, голубчик. Акустика-с.

Кроха, услышав про себя, заулыбался ещё шире и добродушнее обычного. Я бы на месте Барчука крепко задумался над этой улыбкой.

— Лысого... — пальчик переполз на Папу, — будем лечить тишиной. Имеется у меня одна камера: неделька внутри — и человек умоляет, чтобы на него хотя бы наорали. Через две — знакомится сам с собой. Заново-с.

Папа выслушал свою программу молча и лишь неторопливо, со вкусом размял шею. Хруст получился внушительнее любого ответа.

— Барышню... — На Мэри пальчик задержался, и в голос-

ке впервые скользнуло что-то похожее на осторожность. — Барышню сперва зафиксируем понадёжнее. А после — познакомим с её же любимыми инструментами. С другой, так сказать, стороны лезвия-с.

Мэри подняла на него глаза — молча, не мигая, как поднимают прицел. Не знаю, что Барчук успел прочесть в этих глазах, но к следующему пункту он перешёл заметно бодрее.

— Господина полковника ломать не станем. — Палец упёрся в Кнутова. — Зачем-с? Полковники железные, об них инструмент тупится. Полковника мы посадим в первый ряд. На все сеансы, до единого. Пусть смотрит и считает, во что обошлось людям его командование. Командиры от этого портятся быстрее, чем от любых щипцов-с.

Кнутов не шевельнулся и взглядом его не удостоил. Только скулы обозначились — второй раз за сегодня, и лучше бы мне этого больше не видеть.

— Ну а тебе-е... — Барчук перегнулся через перила, и голос его сделался чистым мёдом. — Тебе, голубчик, приготовлено самое лучшее. Ты ведь у нас за свободу? Первым с крючка слез, бунт поднял, речи вон говоришь... Вот тебя мы на стол и вернём-с. Поставим имплантик — самый лучший, персональный, я сам откалибрую. И будешь жить долго-долго: здоровый, сильный, тихий. Новеньких станешь встречать. Двери им открывать. Робы выдавать. Я тебя, пожалуй, экскурсоводом сделаю-с... по местам твоей боевой славы.

Сзади послышался длинный облегчённый выдох.

— Слышали, сержант, — вполголоса поделился Толик. — Меня в программе, похоже, нет. Походу, просто грохнут прямо сейчас.

— Чему радуешься? — пророкотал Папа так, что у меня завибрировало между лопатками.

— Ну а чего. На фоне такого.

— Жгутиков, ты даже сдохнуть норовишь без очереди.

Я дослушал программу с выражением живейшего интереса на лице, хотя холодок по спине полз вполне натуральный: человек наверху не угрожал. Человек делился планами на ближайшее будущее, которое намечалось быть насыщенным развлечениями.

Но, трюк-то работал. Пока хозяин колонии любовно расписывал меню, время текло. Я слушал вполуха, кивал, изображал восхищённый ужас пополам с почтением, а всем остальным вниманием висел на отражении экрана в очках врача. Строчки там бежали, бежали, бежали. Быстрее, док. Ещё немного, док. Оратор подходит к финалу.

И когда Барчук действительно выдохся, промокнул лобик платочком и умолк, наслаждаясь произведённым эффектом, врач поднял голову.

Он кивнул мне и улыбнулся. Устало, гордо и совершенно счастливо — так улыбается человек, который только что сделал невозможное на глазах у сотен зомби и одного садиста. «Готово», — сказала эта улыбка.

Палец врача торжественно опустил на кнопку.

В чёрном кольце возникло движение. Один из эков — здоровенный, патлатый, неотличимый от соседей — качнулся, вышел из ряда и, шаркая, двинулся к нам. Тяжело, мерно, неотвратно. Дошёл. Развернулся кругом — чётко, почти по-строевому. И встал. В наш строй. Лицом к своим, спиной к нам — всей позой сообщая любому желающему: этих — я охраняю.

Огоньки на его шее перемигнулись и потекли ровной синей дорожкой.

По нашей кучке прошло короткое движение: плечи расправились, стволы приподнялись. Люди почуяли надежду. Я тоже почуял. Целую секунду она у меня даже была.

Врач сиял и смотрел на меня победно, как дуэлянт после удачного выстрела, и ждал, судя по всему, аплодисментов, обещания ордена и качания на руках.

А у меня внутри всё осыпалось — тихо, без грохота, как осыпается подмытый берег.

— Док, — сказал я очень осторожно, — вы перепрограммировали... одного робота?

— Конечно. — Врач даже удивился вопросу. — У меня же обычный планшет с рядовым допуском. Вручную за один раз можно перепрошить одного пациента. Начинаю следующего...

Я посмотрел на него. Потом на нашего новенького телохранителя. Потом — вокруг.

Сотни чёрных роб стояли ровным, глубоким, терпеливым

кольцом. Ряд за рядом, до самых стен, до галерей, до дверей. Я тяжело вздохнул и повёл рукой по этому кольцу — от края до края, чтобы дошло без слов.

— Боюсь, у нас не будет столько времени.

Глава 2

Улыбка сползала с лица начальника колонии медленно и по частям, как старая краска со стены. Со своего пролёта он видел то же, что и мы: одно из его изделий вышло из кольца, пересекло ничейную полосу и встало в наш жидкий строй — лицом к сотням бывших сослуживцев. Без приказа. Без команды. Само.

Сам перебежчик по этому поводу совершенно не переживал. Стоял, куда поставили, лицом, куда развернули, и с одинаковым равнодушием готов был охранять нас, своих бывших и мировую справедливость в полном составе. Из всех присутствующих в зале он один чувствовал себя прекрасно.

Левая рука Барчука поднялась, и над запястьем развернулась голограмма — голубоватый лоскут света со столбиками значков. С такого расстояния я не разбирал ни одного, но мне и не требовалось: по тому, как начальник колонии вглядывался в собственный браслет, всё читалось без перевода. Так смотрят в выписку со счёта, обнаружив, что деньги начали снимать без вашего ведома.

Он поднял голову. Взгляд пошёл по нашему отряду неторопливо, как луч по тёмному залу: скользнул по Кнутову, по Мэри, по мне — я честно постарался выглядеть человеком, который ни при чём и вообще находится здесь случайно. А затем взгляд упёрся в доктора.

Доктор в эту секунду как раз тянулся к моему уху — шепнуть что-то ободряющее про ручной режим и застыл на полуслове, прижимая планшет к груди. Со стороны наша пара смотрелась как явка с повинной: двое перешёптываются, у одного в руках служебный пульт, рядом стоит свежееугнанное имущество. Дело можно было закрывать, не открывая.

— Голубчики мои-и, — протянул сверху ласковый голос, и шёпот дока умер у моего уха. — А я-то думаю: с чего это моё изделие гуляет по залу само-с? А это, оказывается, наш доктор. Мой ты дорогой!

Он рассмеялся — мелко, искренне, с удовольствием. И от этой искренности по залу будто потянуло сквозняком.

— Признаться, удивили-с, — сообщил Барчук почти нежно. — Столько лет безупречной службы. И к кому же вы ушли, голубчик? К этим вот смертникам. Это ведь даже не предательство. Это диагноз-с.

Доктор сглотнул и спрятался за планшет, как за щит. Щит ходил ходуном вместе с руками.

— А чтобы никто здесь не тешил себя иллюзиями... — Барчук вскинул левую руку над головой, и голограмма вспыхнула ярче. — Вот-с! Вот где настоящая власть над изделиями. Не в планшетике с временным допуском — а здесь, в ведущем контуре-с. Перепрошивайте хоть до утра, по одному... Я же одним движением верну себе всех разом. — Он опустил руку и закончил деловым тоном, каким сообщают об уже решённом: — Вы, доктор, присоединитесь к этим гос-

подам в пыточной камере. Я вам, как коллеге, даже кое-что новенькое покажу-с. По медицинской части.

Дока затрясло. Не фигурально — по-настоящему, крупно, вместе с планшетом и остатками веры в человечество. Он покосился на меня, и в глазах его читался один-единственный вопрос: ваш план предусматривал вот это? Ответа у меня не было. Я его понимал: час назад этот человек был незаменимым специалистом, а теперь стал расходным материалом с расширенной программой пыток. Карьерные лифты в этом заведении ездили только вниз.

А я стоял и занимался самым бесполезным делом на свете — пересчитывал обломки собственного плана. Весь мой замысел, вся эта клоунада с поднятыми руками и вопросами из зала держались на одном-единственном допущении: док перепрошьёт зомби. Не одного — а всех. По простоте душевной я даже не поинтересовался заранее, как это будет выглядеть технически. Допущение было красивым и наивным до слёз. Один готов. Оставалось ещё сотни три. При производительности «один пациент за сеанс» мы заканчивали аккуратно к следующему году, если бы кто-нибудь согласился подождать.

Рядом глухо, одним басом, не нормативно высказался Папа — коротко и по существу, как он один умеет. Кнутов не одёрнул. Похоже, формулировка совпала с его собственной оценкой обстановки.

Это что — конец?

За спиной хмыкнули.

Негромко, но с таким отчётливым удовольствием, что я на мгновение забыл про Барчука. В нашем положении так веселиться мог либо человек, который сошёл с ума, либо человек, который знает что-то, чего не знаю я. Я обернулся, готовый к обоим вариантам.

Этим пересмешником оказался Кодыч. Стоял себе в общей куче, шурился и улыбался — не нервно, не истерически, а с ленивым удовольствием мастера, при котором кто-то громко усомнился, что замок вообще открывается. Поймав мой взгляд, он приподнял бровь и коротко кивнул вниз, на пол перед нами.

В нескольких метрах впереди, почти на границе ничейной полосы, лежала маленькая серая коробочка со щупом.

Та самая. Универсальная отмычка, которой Кодыч в этом же самом помещении во время драки снимал с нас магнитные наручники. Как она по-прежнему оставалась на полу посреди зала, я уточнять не стал — подозреваю, что здесь с этого момент особо не убирались.

План собрался в голове сам, мгновенно и целиком, как складная мебель из рекламы. Оставалась мелочь: исполнить его на глазах у нескольких сотен зрителей, из которых прилично стреляющих было человек шесть, а кусающихся — все остальные.

— Господин начальник колонии! — Я сделал шаг из строя. — Простите, что снова перебиваю. У вас по плану

пытки, так сказать, весь вечер расписан... Но вы задали вопрос — а я так и не ответил.

Барчук, уже занёсший было пальцы над голограммой, замер.

— Какой ещё вопрос-с?

— Главный. — Я неторопливо двинулся вперёд, вполоборота к пролёту, разведя руки: смотрите, мол, пустые. — Вам разве не интересно, как мы освободились? От наручников. От цепи. И ещё почему ваш сканер, которому положено читать чипы заключённых, сломался так вовремя, что вся наша весёлая компания попала с космодрома внутрь без проверки?

Наверху помолчали. Я почти слышал, как в голове у Мафусаила Семёновича торгуются двое: садист, у которого стынет пыточная, и начальник колонии, у которого в хозяйстве обнаружилась дыра размером с бунт.

— Молодой человек, — сказал он наконец с сожалением, — я ведь это и так узнаю-с. На вторые сутки вы у меня стихами заговорите. — Он вздохнул и махнул рукой. — Но извольте. Рассказывайте. Только быстро-с.

И постучал пальчиком по левому запястью, возле самой голограммы. Жест читался без словаря: код-сигнал на атаку набран на три четверти, юноша, не злоупотребляйте.

— Быстро так быстро. — Я кивнул и сделал ещё два шага. — Всё дело в одной волшебной штучке.

Говорил я громко и с выражением, а сам тем временем

медленно, очень медленно опускался на корточки — плавно, без единого резкого движения, как приседает человек, у которого затекли ноги и который не хочет, чтобы стволы наверху истолковали это по-своему. Идти в сторону чёрного кольца было отдельным удовольствием: ближайшие роботы головы не поднимали, и всё-таки кожей между лопаток я чувствовал себя просчитанным, взвешенным и внесённым в чей-то список на исполнение. Пальцы нашарили холодный пластик. Кнопки на коробочке было две. Первую я знал по наручникам.

Вторую — по сканеру на космодроме.

Я нажал вторую и выпрямился, держа отмычку высоко над головой, как трофей.

— Вот! Настоящий, не побоюсь этого слова, технологический прорыв-с... простите, заразился. — Наверху кто-то из охраны хрюкнул; Барчук не повёл и бровью. — Универсальная отмычка. Наручники, цепь, ваш сканер — всё она, красавица. Работает бесшумно, следов не оставляет, в описях не значится.

В Барчуке на моих глазах проснулся третий человек — инспектор. Тот, которому по должности положено знать про каждый несанкционированный способ открыть в его хозяйстве хоть одну дверь. Он подался вперёд.

— Любопытно-с, — протянул он совсем другим тоном, сухим и цепким. — А покажите-ка поближе, молодой человек. А то ведь сейчас начнётся суматоха... — он повёл под-

бородком в сторону чёрного кольца, и от этой обыденности у меня похолодела спина, — затопчут, ищи её потом. А вещица, судя по всему, учёту подлежит-с.

— Мне подняться к вам? — Я кивнул на лестницу.

Барчук усмехнулся и покачал головой — почти с уважением, как шахматист, оценивший наглый ход противника.

— Я похож на дурака? Бросайте. Мои люди в «Ратниках» — поймают, не извольте сомневаться.

Мне стоило серьёзных усилий удержать на лице выражение лёгкой досады. Внутри всё пело. Пело, правда, вполголоса: если охранник промахнётся и коробочка разлетится о ступени, второго дубля у этого спектакля не будет. Самую сложную часть плана — доставку — начальник колонии любезно взял на себя.

— Как скажете. — Я подбросил коробочку на ладони, примериваясь. — Кстати, она ведь не только наручники открывает. И не только двери...

И бросил — с навесом, через весь зал, метров на двадцать, точно на пролёт.

Бросок вышел красивый. Ловля — ещё лучше: крайний охранник вскинул руку, и латная перчатка взяла коробочку из воздуха мягко, не смяв и не уронив. «Ратник» усиливает не только удар — реакцию и координацию он подтягивает до того же нечеловеческого уровня. Приятно, когда техника работает на тебя.

Охранник передал отмычку начальнику колонии. Барчук

принял её двумя пальцами, поднёс к глазам и повертел так и этак, пытаюсь понять, каким образом серая невзрачная коробочка открывает магнитные замки.

— ...но и глушит любую аппаратуру в метре от себя, — договорил я вполголоса.

Сам для себя. Наверху меня услышать не могли, да этого и не требовалось. Я улыбнулся. Судя по тому, как покосился на меня Толик, улыбка вышла не самая добрая.

Барчук посмотрел на меня. Потом на отмычку в своей руке. Потом — на собственное левое запястье.

Голограмма над браслетом мигнула и погасла.

Просто погасла — без искры, без звука, без всякого драматизма. Самые важные вещи в моей жизни в последнее время происходили именно так: буднично и без объявления.

Пару секунд начальник колонии разглядывал опустевшее запястье с искренним недоумением ребёнка, у которого монетка исчезла вместе с фокусником. Потом до него дошло. Он отшвырнул отмычку, как ядовитое насекомое, — брезгливо, всем локтем — и вцепился в браслет обеими руками: тыкал, жал и с каждой секундой движения его делались всё мельче и суетливее.

Радоваться было рано, и я это знал. Личный идентификационный браслет — не плафон, прикладом не погасишь: такие устройства не умирают от глушилки, они перезагружаются. Контур поднимется сам, за минуту, может быстрее, — и у Мафусаила Семёновича снова будут его изделия, его код-

сигнал и его расписанный по персоналиям вечер.

Минута — это безнадёжно мало.

Смотря для чего.

Я развернулся и кинулся к своим. Кнутов что-то спросил — слова пролетели мимо; глаза уже нашли Кроху. Великан стоял в первом ряду и по привычке улыбался — доброжелательно и широко, как человек, который пока не в курсе, что через три секунды станет транспортом. Из всех нас только он мог пронести седока через этот зал, как таран проносят через ворота, — не сбавляя хода.

Я подбежал сзади и с разгона запрыгнул ему на плечи.

Кроха даже не покачнулся, лишь попытался повернуть голову, желая рассмотреть, что за неожиданность свалилась на него посреди мероприятия. В глазах его читался вежливый вопрос без единой претензии.

Объяснять было некогда. Я вытянул руку вперёд — туда, где за чёрным кольцом были стена и лестница, а на лестнице белел мундир, обеими руками сражающийся с собственным запястьем.

— Беги, Кроха, беги!

Глава 3

Мир подо мной дёрнулся, качнулся и поскакал. Кроха не задал ни одного вопроса — ни куда именно, ни зачем, ни почему всадник не предупредил заранее. Он выбрал направление по моей вытянутой руке, наклонил голову и врубился в толпу, как ледокол в весенний припай.

Ездить на человеке — навык, которому не учат, и зря: удержаться на плечах бегущего великана оказалось труднее, чем на любом тренажёре корпуса. Я вцепился ему в ворот, прижал колени и постарался хотя бы не мешать — лучший вклад, какой может внести всадник, когда конь разбирается в беге лучше него.

Про чёрные робы важно понимать одну вещь: «смирные» и «мягкие» — это разные слова. Каждый стоявший в кольце был накачан до состояния призового быка, и стояли они плотно, плечо к плечу. Продираться сквозь них было всё равно что бежать через лес, в котором деревья весят по паре центнеров и слегка пружинят при столкновении. Любой из нас завяз бы на третьем шаге. Кроха не завяз. Он шёл — с усилием, с глухим рыком, отжимая плечами живую древесину, но шёл, и лес нехотя расступался: так расступается всё, что не получало приказа расступаться. Ближние робы отшатывались, пружинили и смыкались за нашими спинами, как вода за кормой. Ни один не поднял глаз. Ни один не поднял

руки. Пока не поднял — и это «пока» я чувствовал затылком отчётливее, чем любой прицел.

— Прикройте! — заорал я через плечо, стараясь на очередном толчке не откусить себе язык.

Отряд не подвёл. Капеллан и Мэри вскинули винтовки в одно движение, и над залом заработали два ровных злых ритма. Стрелять на поражение им пока было не по кому — задача звучала скромнее: не дать никому наверху спокойно прицелиться в спину великану и в мальчишка у него на плечах. Со скромными задачами эти двое справлялись блестяще. Капеллан работал размеренно, как метроном, экономя каждый патрон; Мэри была чаще и злее, и по одному её ритму было понятно: достанься ей чистая цель — жалеть она не станет.

Толик замахнулся на большее. Толик выцеливал самого господина Барчука.

Начальник колонии в эту минуту был занят: он ругался. Отборно, многоэтажно и без единого «-с» — стресс смыкает воспитание быстрее любого наждака. Браслет упрямо не желал просыпаться, и Мафусаил Семёнович лупил по нему пальцами с яростью человека, у которого посреди концерта отключили микрофон. Со стороны это выглядело почти трогательно: человек, минуту назад распоряжавшийся сотнями чужих тел, теперь не мог договориться с одним собственным запястьем.

Барчука спасло то, что Лютый смотрел не на хозяйское запястье, а вниз, на нас. Прапорщик увидел ствол, поднявший-

ся в сторону его покровителя, и среагировал раньше, чем Толик дождал спуск: сгрёб начальника колонии за белоснежные плечи и поволок от края пролёта вглубь. Провинившимся положено выслуживаться, и Лютый выслуживался со всем усердием новичка на испытательном сроке. На освободившееся место синхронно шагнули двое охранников, закрыв собой хозяйскую спину. Очередь Толика пришлась им в нагрудные пластины — обоих качнуло, как шкафы при переезде, и только. Пластины спасли жизни охранникам, Лютый — Барчуку. Толик выругался, выпуская всё, что было у него в обойме по ратникам.

Ещё двое наверху взялись за нас к Крохой всерьёз. Один решил стрелять прямо с балкона, второй оказался умнее: ссыпался на пролёт ниже, перегнулся через перила и повёл стволом, выбирая между Крохой и мной. Капеллан поймал паузу между ударами собственного сердца и снял балконного одиночным — тот переломился через ограждение и рухнул вниз, тяжело, со всем железом. По второму сработала Мэри: её пуля взвизгнула о перила в сантиметре от чужого шлема, и охранник нырнул за металлическую конструкцию лестницы, рассудив, что торопиться ему, в сущности, некуда. Он подарил мне несколько секунд. Я собирался потратить их с максимальной наглостью.

Стена ударила близостью — Кроха погасил разбег в два шага и присел. Я подобрал ноги и выпрямился у него на плечах, как акробат, которого никто этому не учил.

— Подсади!

Кроха понял это буквально. Ладони его сомкнулись на моих ступнях — целиком, с запасом, — и он метнул меня вверх так, как, видимо, представлял себе подсаживание невесомых чирлидерш. План у меня был скромный: зацепиться за решётку второго пролёта и подтянуться. Он устарел ещё в полёте — вместе с моими представлениями о собственном весе. Я перемахнул через перила, как мячик, наискось пересёк пролёт по воздуху и приземлился на четыре точки — аккуратно перед носом охранника, которого Мэри загнала за металл.

Не знаю, кто из нас двоих удивился сильнее. Знаю, кто первым закончил удивляться: приклад моей винтовки, которую я одним махом выхватил из-за спины дошёл до его головы раньше, чем его ствол повернулся до моей. Охранник обмяк и сполз по стойке, гремя бронёй о ступени. Спасибо, Мэри: противник, сидящий в укрытии спиной ко мне, — подарок из тех, что дарят раз в жизни, и я пообещал себе поблагодарить дарительницу лично, если доживу до церемонии.

В голове тикал таймер, запущенный ещё внизу. Где-то наверху перезагружался идентификационный браслет, и с каждой секундой у нашей самостоятельности оставалось всё меньше на сценку. Сколько там осталось от минуты? Половина? Больше? Часов мне не выдали, так что счёт я вёл по единственной надёжной шкале — по холодку между лопатками. Я перескочил через лежащего и рванул вверх — металлическая лестница шла открыто вдоль стены, и грохот моих

ботинок по ней было слышно, наверное, на орбите.

На повороте предпоследнего пролёта надо мной вырос ещё один охранник. Стрелять он начал сразу и не скупясь — вспышки, визг рикошетов, искры по металлу над самой макушкой. Я нырнул под пролёт, вжался в стену, переждал два вдоха — ровно столько живёт терпение у человека, который палит очередями по пустому месту, — высунулся с другой стороны и ответил. Первый выстрел ушёл в броню. Второй нашёл, что искал. Охранника скосило на ступени, и дорога наверх снова стала моей.

Балкон встретил меня плохой новостью: я опоздал. В дальней стене чернел открытый дверной проём, и в нём исчезал белый мундир — Лютый волок трясущегося Барчука прочь с линии огня, в глубину, обхватив его, как пожарный выносит погорельца. Хороших новостей больше для меня не нашлось. Дверь осталась распахнутой ровно настолько, чтобы дразнить: беги, кадет, успевай, у тебя же уйма свободного времени.

Вместо них нашёлся последний охранник. Латная бутса выбила винтовку у меня из рук — коротко и точно, без замаха. Винтовка ускакала по бетону куда-то в сторону, а мы остались вдвоём. Он не спешил и не нервничал — люди в броне редко нервничают в спорах с людьми без брони.

Дальше начались танцы, в которых партнёры по-разному слышали музыку. Он бил — я уклонялся. Расклад был честным до отвращения: на нём облегчённый «ратник», броня

и шлем, на мне арестантская роба и вера в лучшее. Вырубить его я не мог физически — мои кулаки против его брони котировались, как жалобы против устава. Ему же хватало одного попадания: бронированная перчатка ломает рёбра оптом, а латная нога закрывает дискуссию о черепе раз и навсегда. Задача «победить» тихо переехала в раздел «просто выжить». Я разрывал дистанцию, нырял, кружил по балкону и копил обидные сравнения — единственный боеприпас, которого у меня оставалось в избытке.

Снизу мне не помогали — и правильно делали: на такой дистанции любая пуля выбирала бы между ним и мной подбрасыванием монетки. А Толик не помог бы при всём желании. Свою очередь он уже выпустил — всю, в две широкие груди, а затем, и спины, и, судя по рыку старшего сержанта Рычкова, долетавшему даже сюда, сквозь шум и лязг, пару ласковых за растраченный боезапас Жгутиков получал прямо сейчас, не отходя от кассы. Судя по интонациям, ласковых там выходило сильно больше пары.

Дважды я приложился кулаком о триплекс забрала своего противника — с тем же результатом, с каким стучатся в бронедверь недружелюбного банка. Отбил костяшки, выиграл ноль. Вблизи триплекс отражал моё собственное лицо — вспотевшее, упрямое и с каждой секундой всё менее уверенное в исходной задумке. Охранник шёл вперёд ровно, без злости и без пауз, как пресс, у которого в программе один пункт. Очередной замах — я нырнул ему под ноги, проехал

на боку по бетону и упёрся взглядом в серую коробочку, дожидавшуюся меня там, куда её отшвырнул брезгливый начальственный локоть.

Есть на свете вещи, которые умеют оказываться в нужном месте. Подозреваю, школа Кодыча заразна.

Я сгрёб отмычку, откатился от бутсы, просвистевшей у виска, поднялся — и, когда охранник шагнул добивать, шагнул навстречу сам. Острый торец коробочки вошёл ему в горло — в ту узкую незащищённую полосу между кромкой шлема и нагрудником, которую конструкторы облегчённой версии «ратника» оставили, надо полагать, для вентиляции и быстрой смерти от удара холодным оружием. Охранник захрипел, сгрёб собственное горло обеими латными перчатками и осел на бетон. Конструкторы предусмотрели защиту от пуль и осколков. Защиту от маленькой острой коробочки для вскрытия замков они не предусмотрели.

— Действительно универсальная штучка, — сказал я, посмотрев на отмычку.

Отмычка не возражала. Скромность — редкое качество для техники, дважды за день сменившей и владельца, и род занятий. Долго не думая, я нырнул в дверной проём — туда, где растворились в казённых внутренностях колонии прапорщик Лютый и его дрожащий белый груз.

А внизу, посреди зала, остался стоять в осаде наш маленький и гордый отряд. Горстка вооружённых людей и заключённые в оранжевых робах — островок в чёрном, смирном,

мерно дышащем кольце. Сотни патлатых голов с опущенными глазами не двигались с места, и от этой неподвижности делалось хуже, чем от атаки: в атаке хотя бы понятно, куда стрелять. Все ждали развязки — а развязка ушла наверх, в дверной проём, и оттуда не доносилось ни звука. Оранжевые робы сбились поближе друг к другу — так на ночной остановке в плохом районе жмутся к единственному фонарю. Слово «заложники» никто не произносил вслух — нужды не было: арифметику кольца каждый посчитал про себя, и результат не понравился никому.

Кроха вернулся той же дорогой, которой пробивался к стене: просека в живом лесу ещё не успела зарости. Его встретили молча — хлопать великана по плечу было и высоко, и незачем. Он встал на своё место в строю и вновь заулыбался, как человек, честно сдавший смену. Капеллан и Мэри винтовок так и не опустили: стволы медленно ходили по верхним пролётам, где больше никто не показывался.

— Хочу сообщить вам, господа, — произнёс доктор голосом, в котором дребезжала каждая буква, — что перепрограммировать ещё одного.

— Отличный темп, док, — отозвался Толик, не отрывая глаз от чёрного кольца. — К Новому году перепрошьёте всех.

Доктор посмотрел на него взглядом человека, у которого закончились аргументы, а следом — и вера в молодёжь.

— Разговоры, — оборвал Кнутов. Голос полковника был

ровным, как плац. — Чёрных — на мушку. Каждому — свой сектор. Двинутся — огонь без команды. Патроны беречь. Стрелять только в голову.

Строй качнулся и перестроился без единого слова: приказы полковника имели свойство исполняться раньше, чем заканчивались. Даже доктор, человек сугубо штатски

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.